

Новые книги

ИР Нам по-прежнему не хватает рецензий, которые бы выходили за рамки формальных оценок и изложения содержания новых книг по главам и содержали бы самостоятельные авторские размышления. Предлагаемая рецензия А.Н.Стрельниковой нам кажется достаточно удачным опытом таких размышлений.

Иллюзия свободы в крупном городе
(размышления по поводу сборника «Российское городское пространство:
попытка осмысления»¹)

Стрельникова Анна Владимировна

Московская высшая школа социальных и экономических наук

E-mail: annets@inbox.ru

Данная работа представляет собой размышления по поводу статей, вышедших в сборнике «Российское городское пространство: попытка осмысления». Отталкиваясь от общего тематического горизонта – вопросов городской сегрегации и трансформаций социального зонирования российских городов, – авторы предлагают вниманию читателей **содержательно разноуровневые** работы. В то же время, в ходе осмысления тех или иных аспектов городского пространства России, высвечиваются обобщенные категории, которые и создают каркас рассуждений. На них мы и обратим внимание.

Инструментальность в использовании городского пространства

Изначально на размещение городов сильно влияли военные и политические мотивы². Города и их форма отражали задачи властей по надзору и дисциплинированию низших классов. Большинство авторов сходятся во мнении, что доминирование идей порядка и экономической продуктивности порождало инструментальность в обустройстве городов³. Инструментальному восприятию способствовала и классификация – названия районов, улиц, нумерация домов.

Историческое развитие городов влекло за собой целый ряд изменений жизнеустройства. С ростом населения происходило укрупнение городов и превращение их в мегаполисы. Анонимность связей между их обитателями увеличивалась. И если в небольших по численности и занимаемой площади городах жизнь индивида или семьи протекала публично, то в процессе их укрупнения актуализировались ценности частной жизни. Как следствие, стали возникать новые скрепки и нитки для организованностей.

Приведем в пример наблюдаемые признаки того, что пространство современных российских городов перестает быть публичным. Так, отдельные организации

---

¹ Российское городское пространство: попытка осмысления / Коллектив авторов, отв. ред. В.В. Вагин. М.: МОНФ, 2000. 164 с. (Серия «Научные доклады», № 116).

² European Urban History: Prospect and Retrospect / Ed. by R. Rodger. Leicester and London: Leicester University Press, 1993. p. 22.

³ European Urban History: Prospect and Retrospect / Ed. by R. Rodger. Leicester and London: Leicester University Press, 1993. p. 82.

присваивают близлежащие части улиц под свои автостоянки, огораживают части площадей, которые ранее были общедоступными. Но вытеснение с данного пространства может являться следствием не только физического, но также и **символического** разграничения. Например, подчеркнуто-дорогие фасады, облагоустроенная близлежащая территория и/или размещение на ней той или иной символики могут служить не столько абстрактно-эстетическим целям, сколько задаче дифференцирования тех, чей доступ следует минимизировать или исключить, и тех, кого следует привлечь на данную территорию.

Ранее в России формально стремились к равенству между разными городами, что выражалось в использовании одних и тех же названий для районов, в стирании старой социальной памяти посредством замены исторических наименований улиц и мест. Авторы статей рассматривали трансформации инструментальности, которые происходят в российских городах по сравнению с советским периодом. Так, **А. Чешкова** в статье «Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации» представляет вниманию читателей описание обобщенного образа советского города как специфической морфологической модели, а **Л. Бляхер** в статье «Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды» пишет, что в городах советского периода было ярко выражено «наступление публичной сферы на частную»⁴. Это заключалось в предопределенности мест коллективного отдыха и проживания тем предприятием, на котором человек работал. Постсоветский период принес изменения данного порядка, и сейчас публичная сфера уходит на второй план, порождая практики исключения тех, кто ранее пользовался ею.

В наиболее структурированной работе сборника – статье **С. Барсуковой** «Тенденции социального зонирования российских городов» – обсуждается заметная выраженность современной пространственной сегрегации в России в сравнении с советским периодом. Автор рассматривает также появление «законодателей городской сегрегации», которыми становятся наиболее мобильные и обеспеченные. Они не только имеют возможность зафиксировать себя в пространстве города в наиболее выгодном положении, но и вынуждают перемещаться с занимаемых прежде мест тех, кто не соответствует по социальным параметрам проживанию в данной части пространства.

Общий вывод по данному разделу заключается в следующем: городская стратификация пережила трансформацию от практически однородного размещения, регулируемого только партийно-идеологическими механизмами, до обусловленности иерархических различий индивидуальной деятельностью человека в самых различных сферах. Пространство современных российских городов становится инструментом как вовлечения (инклюзии), так и исключения (эксклюзии) из тех или иных сфер жизни.

Центр как пространственная единица городского зонирования

Центр считается эфемерным понятием, под которым можно подразумевать разное содержание, его пространственные границы чаще всего размыты (неясно, например, на сколько шагов нужно отойти от «центра», чтобы оказаться уже за его пределами). Если попытаться выразить представление большинства людей о центре города (создать проекцию мнения большинства), то, по-видимому, появятся следующие **маркеры**: это место, где назначают свидания и встречи, где не возникает проблем в поиске места для питания, в проведении тех или иных манипуляций с финансами (получения наличных и

⁴ Российское городское пространство: попытка осмысления, с. 63.

обмена валют), в выборе вида транспорта для своих перемещений. Это пространство, где многолюдно и при этом не возникает ощущения толпы; где много разнопрофильных магазинов и всевозможной рекламы. В то же время, **Л. Бляхер** отмечает, что в пространстве центра сосредоточена и значительная часть административно-деловых функций⁵.

Все вышесказанное, на наш взгляд, верно для дневного времени. Вероятно, со сменой времени суток меняется и структура города. Соответственно, и определиться с тем, где искать центр в темное время суток, нужно по-новому. Мы считаем, что в этом случае центр – это место, куда едут или идут ночью, то пространство города, где есть ночная жизнь – ночные клубы, индустрия развлечений. Таким образом, центр может быть «плавающим» - то есть перемещаться туда, где в данное время можно получить больше в плане тех или иных видов развлечений (в своей статье **Л. Бляхер** приводит метафорическое высказывание, которое отражает это явление: «дрейфует по городу индустрия развлечений»⁶). Однако в целом эти границы могут в той или иной степени отличаться от центра, зафиксированного в дневное время.

Ответ на вопрос о том, что человек считает центром, косвенно означает **презентацию его схемы пространства**. Этот сюжет оказался не затронутым в статьях рассматриваемого сборника, поэтому приведем свои рассуждения. С одной стороны, у людей имеются конвенциональные установки по этому поводу (что есть центр). Следовательно, можно предположить, что в случае, если человек **не знает** о том, что в данном городе есть именно эти – конвенционально определенные – реперные точки, то он маргинален в данном пространстве. Либо, если возникают затруднения при ответе на подобный вопрос, или называются другие точки, не те, которые большинство нагружает смыслом «центра», – это может означать, что человек принадлежит к какой-то особой социальной группе. На наш взгляд, было бы перспективно проверить это в эмпирическом исследовании.

Как уже отмечалось, особенностью статей, составляющих сборник, является их **полистиличность**. Презентация авторского почерка иногда вытесняет заявленную тематику. Так, **Антон Карпов**, начиная свою статью «Имплозия городского пространства: проблема существования центра в городах современной России», осознает необходимость пояснения выбранного заглавия. В ходе расшифровки значения слова «имплозия» он апеллирует к лингвистическим теориям, что демонстрирует наличие у него научного интереса к социологии коммуникации, однако несколько уводит в сторону от урбанистической тематики. Впрочем, это можно воспринимать как своеобразие авторского стиля.

Прослеживается неявная полемика **Л. Бляхера** и **А. Карпова** по поводу того, как следует расценивать процесс «растаскивания» функций центра. **Л. Бляхер** встает на позицию одобрения полицентричной модели, позитивно оценивает процесс возникновения «новых центров притяжения социальных контактов», которые образуются, «исходя из устремлений участников, а не из-за характеристик места»⁷. **А. Карпов** избирает другие точки отсчета. Он полагает, что «...характеристики городского образа жизни, и те возможности и шансы, которые представляет... центр большого города – являются безусловным благом для цивилизации в целом и для

⁵ Российское городское пространство: попытка осмысления, с. 65.

⁶ Там же, с. 64.

⁷ Российское городское пространство: попытка осмысления, с. 65.

каждого отдельного горожанина в частности»⁸. Однако современные российские города переживают размывание общегородского центра, вследствие чего «пороки и недостатки городской жизни сохраняются и становятся менее контролируемыми, а достоинства и преимущества... смазываются или ликвидируются вообще»⁹. В целом **А. Карпов** обеспокоен тем, что право на ощущение **гармонии** в символическом восприятии города, которое трудно подвергнуть операционализации, у современных горожан утрачивается. Мы склонны разделить его мнение, которое находит подтверждение в работах других исследователей. Вот что пишет, например, Л.В.Стародубцева: «во всех символических, сновидческих и воображаемых городах... имеется нечто общее: все они тяготеют к «чистым» формам, идеальным конструкциям... «архетипический» город устроен... геометрически ясно. И потому воображаемые грады, которые рисовали в сознании древние индийцы и вавилоняне, удивительно похожи на города, которые сняты человеку конца второго тысячелетия»¹⁰.

Городская жизнь и свобода

Попробуем определиться с тем, уместно ли говорить о современной жизни в городах в терминах свободы? Если ответ положителен, то какие сферы городской жизни представляют собой пространство для реализации тех или иных видов свободы? Если нет, то какие структуры мегаполиса поглощают свободу, сдерживают возможности ее реализации?

На первый взгляд, городская жизнь наполнена различными вариантами тех или иных возможностей: будь то поиск работы, выбор вариантов потребительского и досугового поведения, поиск сексуального партнера или человека со сходными интересами. И действительно, город предоставляет многовариантное воплощение этих возможностей, но не безвозмездно. Взамен горожане негласно принимают на себя обязанности соблюдать установленные в данном сообществе правила.

Свобода человеческих отношений воспринимается как одна из наиболее важных черт существования в мегаполисе. Люди стремятся приехать в город, «чтобы почувствовать себя «свободными во всех отношениях», и чем крупнее город, тем значительней представляется степень свободы в нем. Однако наличие значительного пространства само по себе еще не говорит о возможности зафиксировать себя в нем наиболее удобным образом.

Рассмотрим, например, **свободу в выборе досугового и потребительского поведения**. В статье «Петербургские кафе – география неформального общения» **Э.Панях** отмечает, что среди трех сфер, на которые можно разделить пространственно-временные ресурсы горожанина (место проживания, место работы и места рекреаций), «наименьшей свободой житель большого города пользуется при выборе места жительства», а наибольшей – при определении мест рекреации и неформального общения. Однако данное утверждение не бесспорно.

Что касается модели потребления в городских условиях, то она зависит не столько от личных пристрастий и уровня доходов (впрочем, и то, и другое также не является независимыми переменными, о чем будет сказано далее), сколько от сформированных жизнью в данном городе представлений о должном, одобряемом, уважаемом. Такие

---

⁸ Там же, с. 92.

⁹ Там же, с. 112.

¹⁰ Стародубцева Л.В. Город как метафора урбанизируемого сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. с. 77.

представления могут стимулировать актора на то, чтобы приобрести квартиру в данном районе, обеспечивать себя теми или иными товарами в определенных магазинах, читать определенные журналы и смотреть определенные фильмы. Этот же принцип касается и досуга: отсюда массовые, повальные увлечения, которые переживают почти все горожане (или отдельные социально-демографические группы) – в особенности это касается общегородских праздников, которые демонстрируют наиболее яркие черты массовой безликости происходящих в городе взаимодействий.

А. Карпов связывает «более высокий уровень свободы и более широкий выбор – во всех аспектах жизни»¹¹ с возможностями и шансами, которые может представлять центр крупного города. Но при этом он апеллирует преимущественно к собственному жизненному (не исследовательскому) опыту. В то же время, существуют эмпирические исследования, показывающие, что «прибавочное свободное время – совокупное достояние и исключительная привилегия жителей центральной части столицы... говорило об их свободе в сравнении с несвободой обитателей окраин располагать собой, об их независимости в сравнении с зависимостью населения отдаленных районов от шлейфа территориальных условий, привязанных к адресу и воплощавших социальное принуждение через общественно организованную инфраструктуру и через общественно организованный транспорт»¹². То есть более высокий уровень свободы в центре, его социально-культурное превосходство противопоставляется несвободе и подчиненности периферийных частей города и, соответственно, несвободе их обитателей.

С размышлениями о свободе городской жизни тесно связано представление о наличии образа города. Можно принять за аксиому, что у каждого города свой образ. Некоторые города имеют определенный имидж в той или иной сфере, существование которого признается большинством. К примеру, Амстердам в глазах многих является городом вседозволенности, Прагу считают голубой столицей Европы... Притягательность многих городов также обусловлена их столичным статусом и, соответственно, представлениями о широте предоставляемых ими возможностей (достаточно иллюзорными, как было рассмотрено выше). Крупные российские города, по нашим реальным и виртуальным наблюдениям, на всевозможных уровнях пропагандируют идеи унисекса. Это модно – демонстрировать свою нетрадиционную сексуальную идентичность, быть гомосексуальным, или же бисексуальным, это считается «правильным», на это рассчитаны шоу-бизнес, индустрия развлечений. Эта идея приняла грандиозные масштабы. Получается, что больше возможностей для самовыражения в такой ситуации имеют те обитатели мегаполиса, которые позиционируют себя в качестве представителей ориентации, прежде считавшейся нетрадиционной. Следовательно, чтобы вписаться в жизненные ритмы такого города человек должен соотносить свое поведение с тем, которое «требуется» от него в данном городе (конечно, вряд ли такие требования предъявляются формально, человеку необходимо самому настраиваться на соответствующую волну). Получается, что город навязывает модели и стили поведения. Иначе говоря, выбрав сознательно тот или иной город для проживания, человек сам становится другим, меняется его восприятие значимых событий. Несмотря на высокую анонимность отношений в городском сообществе, некая сущность – «душа города», «коллективное

---

¹¹ Российское городское пространство: попытка осмысления, с. 92.

¹² Трущенко О.Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. с. 63.

бессознательное города» – задает определенные правила взаимодействий в этом сообществе.

Быстрый темп и информационная насыщенность современной городской жизни, на наш взгляд, будут и далее обезличивать и размывать взаимоотношения людей в крупном городе, даже если они и объединены формальным образом в те или иные группы. Ресурс возможных описаний этих процессов не исчерпан рассмотренным сборником работ, и можно надеяться, что будут появляться новые тексты по данной проблематике.

Итак, мы последовательно рассмотрели представления о городском пространстве как о вместилище свободы и пришли к заключению, что этот тезис оказался в значительной мере иллюзорным. Существуют определенные принципы взаимодействий в крупном городе, где высока деперсонализация связей, где мнения, представления о чем-либо имеют значительную фрагментацию. Так, принимая решение в той или иной ситуации, люди ориентируются на других людей, особенно на «значимых других». Этот принцип может проявляться при совершении самых разных действий: от решения что-либо купить (отсюда – чувствительность горожан к тенденциям моды) до заимствования жизненных стилей.

Таким образом, жизнь современного человека в городских реалиях наполнена скорее не свободой, а представлениями о ней.

Список литературы

1. Benevolo L. The European City / Translated from the Italian by C.Ipsen. Oxford: Blackwell Publishers, 1988. 242 p.
2. European Urban History: Prospect and Retrospect / Ed. by R. Rodger. Leicester and London: Leicester University Press, 1993. 198 p.
3. Ferdinand Tönnies: A new evaluation / Ed. and with an introduction by W.J. Cahnman. Leiden: E.J. Brill, 1973. 302 p.
4. Lynch K. Good City Form. Cambridge, Massachusetts, and London: The MIT Press, 1981. 493 p.
5. Pahl R.E. Patterns of urban life. L.: Longman Group Limited, 1971. 152 p.
6. Кэмпбелл Дж. Свобода и сообщество // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 112-126.
7. Российское городское пространство: попытка осмысления / Коллектив авторов, отв. ред. В.В. Вагин. М.: МОНФ, 2000. 164 с. (Серия «Научные доклады», № 116).
8. Сайко Э.В. Урбанизация – явление и процесс исторического развития // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. с. 11-46.
9. Стародубцева Л.В. Город как метафора урбанизируемого сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. с. 70-93.
10. Трущенко О.Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. С. 112.

11. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии. Введение в концепцию Георга Зиммеля // Вопросы социологии. 1993, № 3.
12. Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы.
13. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html>.
14. Яницкий О.Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М.: Наука, 1975. с. 333.